

Енок Рубенович Азарян

Преступление. Наказание. Правопорядок

E. R. Azaryan

Crime punishment law and order

© Е. Р. Азарян, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

© E. R. Azaryan, 2004

© Yuridichesky Center Press, 2004

Азарян Енок Рубенович

В 1993 году окончил юридический факультет Ереванского государственного университета.

В 1999 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы совершенствования системы установления и применения уголовных наказаний»; в 2003 году – докторскую диссертацию на тему «Преступление. Наказание. Правопорядок».

С 1999 года является вице-президентом Союза адвокатов Республики Армения. Директор Учебного центра Союза адвокатов РА.

С 1996 г. занимается преподавательской деятельностью в Юридическом институте Министерства юстиции РА. С 2003 года – заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Юридического института.

Автор более 70 научных публикаций, в том числе 4 монографий, изданных в разных странах.

Введение

Посвящается дорогому Ашоту Липоритоеичу Мкртчяну

Сущность понятия преступления весьма трудно, вернее, невозможно определить без ясного представления о понятиях греха, права и порядка, ибо то, что не связано с совершением греха, нарушением права и социального порядка, не может считаться преступлением.

Точно так же трудно иметь ясное и четкое представление о конкретном содержании того или иного преступления, не имея общих понятий о правонарушении во всех его разновидностях –

гражданско-правовых нарушениях (деликтах), административных и дисциплинарных проступках, о мере абсолютности и относительности различных видов правонарушений, существенных условиях перехода греха в проступок и проступка в преступление, а также о метаправовых и правовых источниках в различных уголовно-правовых системах.

Весьма трудно также иметь верное представление о понятии уголовного наказания без четкого представления о понятии преступления, ибо наказание есть лишь следствие и средство «снятия» законодательно определенного преступления, и потому его мера, т. е. вид и размер, непосредственно связаны с характером преступления, с признаками и элементами его состава и условиями его совершения.

Для успешной деятельности в сфере предупреждения преступлений и законодателям, и правоприменителям необходимо также иметь представление об общих и особенных признаках сущности, содержания и целях различных видов наказания (родительского, или отцовского, церковного, школьного и уголовно-правового, или государственного), о взаимосвязях уголовного наказания и других мер общеправового и, в частности, уголовно-правового воздействия (мерах безопасности, пресечения, принудительных мерах воспитательного и медицинского воздействия на правонарушителя и т. д.).

Следует подчеркнуть, что наказание как следствие преступления есть в конечном итоге существенное средство для восстановления и сохранения правопорядка. Поэтому без ясного представления о правопорядке как общем основании и совокупно-конечной цели действующего уголовно-правового законодательства и его практического применения на всех стадиях законодательного, следственно-судебного и уголовно-исполнительного процессов невозможно создать надлежащие гарантии и условия для целесообразного контроля и воздействия на внутренний мир и образ жизни виновных лиц с момента их задержания вплоть до снятия или погашения их судимости за совершенное ими преступление. Если законодателям и правоприменителям, т. е. работникам органов дознания, следствия, прокуратуры, адвокатам, судьям и исполнителям уголовного наказания, из-за ряда законодательных, правотолковательных и правоприменительных погрешностей не удастся надлежащим образом конституировать составы преступлений, квалифицировать совершенные преступные деяния, вовремя привлекать виновных к нормативно установленной уголовной ответственности, в полной мере индивидуализировать и поэтапно конкретизировать цели, виды и размеры назначаемого наказания с учетом типа и характера личности виновных, их поведения до, во время и после совершения ими определенных преступлений и условий их совершения, а также успешно реализовать индивидуальные программы уголовно-правового воздействия на их души и поведение, то это всего лишь свидетельствует о нецелесообразности, неэффективности или даже деструктивности их деятельности в деле восстановления и поддержания правопорядка. Представляется, что для надлежащей деятельности блюстителям порядка надо самим хорошо знать, уважать и почаще вспоминать об императивных заповедях Божьих и требованиях закона, чаще обращаться к призывам своей совести, человеческого достоинства и чести, целям и путям своего жизненного и профессионального призвания, а также по возможности оставаться духовно и нравственно порядочными, чтобы трансформировать порядок своей души в социальный правопорядок.

Название настоящей работы вытекает из поставленной цели широкого и многоаспектного криминологического изучения сущности, содержания, краеугольных понятий и основных параметров уголовного права: преступления, наказания и уголовного правопорядка. В частности, в работе делается попытка выработки на этом основании общего языка научного, законодательного, правотолковательного и правоприменительного общения, который помог бы представителям различных уголовно-правовых систем адекватно воспринимать единую сущность основных категорий уголовного права при всех их содержательных и формальных сходствах и различиях. Дело в том, что именно на такой основе возможно действительное сближение различных уголовно-правовых систем в их единстве и многообразии.

В работе также делается попытка предложить конструктивные концептуальные, нормативные, институциональные, функциональные и практические рекомендации и конкретные предложения, которые могут быть положены в основу проводимых ныне уголовно-правовых реформ.

Преступление рассматривается как акт существенного нарушения уголовно-правового порядка, а также основание для необходимого наказания, которое, в свою очередь, является основным средством для восстановления и поддержания нарушенного правопорядка. Отмечается циклическая повторяемость этих понятий в форме постоянного круговорота: правопорядок – преступление – наказание – правопорядок, как естественная закономерность повседневной жизни лежащего под бременем первородного греха и поработанного различными соблазнами человеческого общества.

В определении понятия наказания отражаются все историко-логические этапы его развития, как-то: государственно-санкционированная кара, заменяющая собой обычай кровной мести, общее предупреждение, материально или организационно возможное восстановление нарушенного преступлением права и порядка, которое поглотило собой принцип талиона, и, наконец, исправление и ресоциализация осужденного как средство частного предупреждения повторных преступлений со стороны осужденных.

Историко-демографический подход к исследованию уголовно-правовых явлений и понятий отражается в том, что характер и составы законодательно предусмотренных преступлений, виды и размеры наказаний за их совершение зависят от религиозных и нравственных особенностей, общего духовного, культурного и образовательного уровня развития каждого народа.

При этом используются сравнительно-правовой метод исследования, достижения разработанных в разных странах уголовно-правовых доктрин, а также накопленный богатый законодательный и правоприменительный опыт таких государств, как Германия, Италия, Англия, Япония, США и, в особенности, Франция, Испания и страны – участницы СНГ, которые сравнительно недавно приняли новые уголовные кодексы. Эти методы нередко позволяют нам избежать соблазна излишнего изобретательства и экспериментирования в сферах законодательного закрепления определенных видов и составов преступлений и наказаний, их должного толкования и назначения, а также уголовно-исполнительного применения наказания.

Как логически завершенное монографическое исследование, работа впервые в многоаспектном плане рассматривает проблемы сущности, видов и содержания понятий преступления, наказания и уголовного правопорядка, совершенствования системы уголовных, судебно-процессуальных и уголовно-исполнительных критериев возведения права в закон и правомерного его применения на практике.

Глава 1

Сущность, структура и мера относительности понятия преступления

§ 1. Соотношение понятий греха, гражданско-правового нарушения (деликта), административного и дисциплинарного проступка и преступления

«Преступление» в собственном смысле слова есть конкретный акт волевого поведения человека, посредством которого этот человек преступает определенные границы, пределы, меру чего-то надлежащего, должного, дозволенного, общепринятого, образно говоря, законом Божиим установленно и человеческим договором закрепленного.

Ввиду того, что абсолютными и незыблемыми являются только Божьи заповеди-императивы – не убей, не укради, не лжесвидетельствуй и т. д., то преступление есть прежде всего нарушение отношений между Богом и Его образом-человеком, т. е. нарушение вертикальных богочеловеческих отношений, а также производных от них определенных общественных, т. е. чисто человеческих, горизонтальных отношений, которые закрепляются в тех или иных обычаях, законах и правилах, имеющих существенное значение и ценность для жизни каждого человека, государства и общества в целом. За нарушение наиболее значимых из этих отношений взрослый и душевно здоровый, разумный человек обязан «отвечать головой», т. е. всем своим сознанием и контролируемой волей, и при необходимости понести надлежащее наказание. Исторически весь этот процесс упорядочивается и регулируется правом о преступлениях и наказаниях.

Следует отметить, что не всякое нарушение запрета всегда связано с грехом и преступлением в их религиозном, нравственном и правовом измерениях, даже если оно сопровождается опасными для человека последствиями. Примером могут служить нарушения запретов лечащего врача (скажем, невоздержание от курения, употребления алкогольных напитков, частых половых актов в брачных отношениях), ибо эти нарушения, будучи личным делом самого человека, по своим мотивам и последствиям существенно отличаются от нарушения религиозных, нравственных и правовых запретов, которые имеют публичный характер.

Понятия греха и преступления определяются различными нормативными источниками: соответственно религиозными (метаправовыми) текстами и правовыми (юридическими) законами и положениями. Поэтому, если грех представляет собой нарушение императивов священных писаний, то преступление является нарушением норм уголовного законодательства.

В зависимости от религиозных, национально-исторических и иных особенностей разных народов некоторые грехи могут рассматриваться в качестве преступлений, и наоборот. Например, грех прелюбодеяния в христианских странах может превратиться в мусульманских странах в тяжкое преступление, и наоборот, общепринятый обычай многоженства в мусульманских странах может пресекаться как преступление в христианских странах.

Несмотря на то, что религиозные, нравственные и правовые принципы и нормы органически связаны между собой, тем не менее, они имеют свою специфику и особую сферу действия. К примеру, поступок главного героя кинофильма «Берегись автомобиля!» Деточкина, кравшего автомобили у неправедно богатых, естественно, является предусмотренным уголовным законодательством преступлением, т. е. кражей чужого имущества. Однако если учитывать то существенное обстоятельство, что он все вырученные от продажи краденных автомобилей деньги перечислял на расчетные счета детских домов, т. е. в пользу нуждающихся в материальной поддержке чужих детей, то его греховный поступок вряд ли можно считать безнравственным. В то же время на свете существует огромное множество глубоко грешных и безнравственных людей, которые не совершают проступков, предусмотренных нормами уголовного права, хотя от этого они не перестают быть глубоко грешными и потому потенциально общественно опасными.

Тенденции либерализации последних лет привели к законодательной отмене ст. 121 прежнего УК РСФСР, которая предусматривала уголовное наказание за добровольное совершение содомского греха мужеложства, однако для всех верующих и вообще порядочных людей, в отличие от безбожных, нравственно деградировавших и сексуально

озабоченных, поклоняющихся идолу страстного удовлетворения человеческой плоти, грех не перестал оставаться грехом, а гомосексуализм – педерастией.

Итак, установление четкого соотношения общего и особенного между понятиями греха и преступления помогло нам получить более глубокое представление о единой сущности, содержании и формах греховного, безнравственного и противоправного поведения людей, а также об определенных критериях их криминализации.

Теперь перейдем к рассмотрению соотношения понятий гражданского правонарушения (деликта), административного и дисциплинарного проступка и преступления.

Н. Ф. Кузнецова справедливо отмечает: «Преступление принадлежит к числу самых опасных для социалистического общества разновидностей антиобщественного поведения. К непреступным антиобщественным деяниям относятся иные правонарушения – административные, дисциплинарные и гражданские деликты, а также аморальные проступки, не являющиеся правонарушениями».[1]

Следует заметить, что сравнительный анализ понятий деликта, проступка и преступления вызван вовсе не праздным любопытством.

Наиболее общую характеристику гражданских и уголовно-правовых отношений дал в свое время Гегель, который отмечал: «Право, касающееся собственности, является предметом гражданского права; право, касающееся личности, является предметом уголовного права».[2]

Гражданское право, прежде всего, призвано регулировать основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других имущественных прав, договорные правоотношения и иные обязательства, которые возникают из действий причинения вреда или невыполнения взятых на себя обязательств со стороны равноправных контрагентов. Гражданско-правовой деликт представляет собой неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом предусмотренных гражданским законодательством или заключенным договором обязанностей в связи с нарушением субъективных гражданских прав другого лица. В случае совершения гражданского правонарушения виновное лицо обязано либо добровольно, либо на основании судебного или арбитражного решения возместить своему контрагенту причиненный вред, компенсировать и восстановить нарушенное право путем уплаты штрафа, неустойки (пени) и возмещения причиненных убытков. Иными словами, гражданское право упорядочивает в основном частные дела без претензий нравственного преображения личности участников гражданского оборота, а его нормы устанавливаются в действующих гражданских кодексах, законах, подзаконных актах, указах главы государства, постановлениях правительства, актах различных министерств и других органов исполнительной власти.

Именно потому, что гражданское правонарушение носит обратимый характер, в гражданском праве действует принцип восстановления положения, существовавшего до совершения правонарушения. Понятно, что в силу необратимости преступного деяния восстановить первоначальное положение просто невозможно. Вот почему в уголовном праве решающим является воздействие на личность осужденного, чтобы после отбытия им наказания вновь были возобновлены его ответственные отношения с государством.

В отличие от гражданского права уголовное право нацелено главным образом на исправление личности преступника, даже если нанесенный им вред является материальным, имущественным или неимущественным. Нормы уголовного права носят императивный характер, за исключением случаев по делам так называемого частного обвинения, когда примирительное согласие сторон (скажем, при нанесении легких телесных повреждений, оскорблении, клевете) является достаточным основанием для прекращения уголовного разбирательства дела.

В тех случаях, когда гражданско-правовые правонарушения формально совпадают по своим составам с некоторыми видами преступлений (ст. 129 и 130 УК РФ), последние все же ощутимо отличаются от них способами своего совершения, особенно при совершении оскорбительных или клеветнических действий, размерами объективно причиненного морального и материального ущерба, и, естественно, процессуальным порядком разрешения возникшего правового конфликта, а также применяемыми к правонарушителю мерами правового воздействия, т. е. санкциями, направленными прежде всего на исправление виновного и защиту общества.

Например, преступление в виде умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) отличается от соответствующего гражданского правонарушения в основном содержанием объективной стороны своего состава и обязательно предполагает причинение значительного ущерба. То же деяние, совершенное по неосторожности (ст. 168 УК РФ), предполагает причинение ущерба уже в крупном размере.

Гражданское и уголовное право отличаются друг от друга по способам правового воздействия на правонарушителей. Гражданско-правовая реституция и компенсация, в отличие от уголовно-правового восстановления нарушенного права, не имеет цели преобразования характера, ценностно-мировоззренческого склада и психологической установки личности правонарушителя, а только преследует цель исполнения договорных обязательств между равноправными участниками гражданско-правовых отношений либо сглаживания личного имущественного или иного неимущественного ущерба в пользу ущемленной стороны. Здесь уместно было бы заметить, что по законодательству Англии, принятому в 1973 и 1988 гг., устанавливается институт уголовно-правовой компенсации, состоящей в обязанности осужденного выплатить потерпевшему денежную сумму, равную размеру причиненного в результате совершения им преступления вреда и включающую в себя оплату расходов за лечение, усиленное питание, на погребение и т. д. Понятно, что такая форма материально-правовой компенсации не может быть применена при совершении гражданского правонарушения.

Несмотря на свои подчас весьма деликатные различия, нормы гражданского и уголовного законодательства имеют тесную взаимосвязь. Так, гражданское право регулирует отношения по предпринимательству, уплате налогов и таможенных пошлин, а уголовное право предусматривает карательные санкции за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, уклонение от уплаты налогов и таможенных пошлин.

Между административным правонарушением (проступком) и преступлением имеется намного больше сходных черт, нежели между гражданским правонарушением и преступлением. Подобно преступлению, административное правонарушение представляет собой противоправное, общественно опасное, виновное умышленное или неосторожное деяние, посягающее на общественный или государственный порядок, права и свободы граждан и порядок управления.

Общее между административным правонарушением и преступлением вытекает также из того, что одни и те же правоотношения могут регулироваться нормами как уголовного, так и административного права, особенно если объекты правового регулирования по своему характеру совпадают друг с другом. К примеру, нарушение правил безопасности дорожного движения предусматривается нормами как административного, так и уголовного законодательства, однако в одном случае акцент делается на защите жизни, здоровья и собственности людей, а в другом – на соблюдении порядка дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

В подобных случаях административное правонарушение перерастает в преступление, если оно связано с неосторожным причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо с причинением крупного материального или иного ущерба.

Поскольку понятие степени общественной опасности или значительности причиненного вреда относительно и может существенно различаться в разных странах или в одной и той же стране в разное время, то всегда сохраняется потенциальная и реальная возможность взаимной трансформации административных правонарушений в преступления, и, наоборот, в зависимости от уровня стабильности правопорядка, духовного, идеологического, экономического и политического состояния данного общества, поскольку критерии и процессы криминализации или декриминализации человеческих поступков определяются государственно-правосознательной оценкой правоохраняемых объектов и общественных отношений. Так, в связи с либерализацией общественных отношений в России и производной от нее существенной реформой уголовного законодательства было декриминализовано деяние, связанное с потравой посевов, которое впоследствии переключалось в ст. 96 Кодекса об административных правонарушениях РФ. С другой стороны, такое административное правонарушение, как необоснованное массовое отключение электроэнергии, которое угрожает нормальному жизнеобеспечению общества, ввиду возросшей степени общественной опасности и тяжести его последствий стало законодательно рассматриваться как преступление.

Административные правонарушения отличаются от преступлений не только особенностями правоохраняемых объектов и размером причиненного вреда, но и способами, средствами, местом и временем совершения. Так, ст. 256 и 258 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за незаконную добычу водных животных и растений, за незаконную охоту и имеют своими существенными признаками применение самоходного транспортного плавающего средства, взрывчатых или химических веществ, электротока либо иных способов их массового истребления, либо истребление запрещенных видов животных и растений в период и в местах их нереста или миграционных путях к ним, на территориях заповедника или заказника, или в зоне экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации. В противном случае все вышеперечисленные деяния должны быть рассмотрены в качестве административных правонарушений. Стало быть, между некоторыми составами административных проступков и преступлений нет «китайской стены», границы между ними достаточно подвижны (например, в случаях мелкого хищения имущества, мелкого хулиганства или контрабанды).

Любопытен тот факт, что с 1968 г. в Японии разница между административным проступком и преступлением состоит в том, что при нарушении правил дорожного движения и добровольной и своевременной уплате штрафа водителем данное правонарушение рассматривается как административное правонарушение, а в случае отказа от своевременной уплаты наложенного штрафа то же самое правонарушение автоматически переходит в категорию преступлений со всеми вытекающими отсюда последствиями: возбуждением уголовного дела, предъявлением соответствующего обвинения, осуждения и применением к нему уголовного наказания (ареста, исправительных работ и т. д.).

Составы административных правонарушений и преступлений могут отличаться друг от друга также возрастными особенностями субъекта правонарушения, поскольку субъектами административного правонарушения могут быть только лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста, тогда как субъектами некоторых видов преступлений (например, убийства, грабежа и т. д.) могут быть и лица более раннего возраста.

Имеются существенные различия между процессами привлечения к административной и уголовной ответственности, а также в порядке назначения и применения административного правонарушения и уголовного наказания. Дело в том, что привлечение к административной ответственности осуществляется в большинстве случаев в протокольной форме и не только судебными, но и другими субъектами власти и управления.

Административное правонарушение предусматривается нормами административного законодательства: соответствующими кодексами и законами, конституционными

положениями, нормативными актами о государственной службе, о статусе и компетенции органов государственной власти и управления. За совершение административного правонарушения виновное лицо привлекается к административной ответственности как со стороны суда, так и со стороны определенных органов – специальных инспекций, комиссий, служб и должностных лиц, – правомочных наложить на правонарушителей различные виды административного взыскания: административный арест сроком до пятнадцати суток, штраф, предупреждение, конфискацию предмета или орудия правонарушения, лишение специального права (права охоты, права управления транспортными средствами) исправительные работы, административное выдворение иностранцев и апатридов за пределы национальной территории государства.

Следует заметить, что административное взыскание, подобно уголовному наказанию, представляет собой правовое воздействие на личность правонарушителя в целях общей и частной превенции. Что касается содержания внешне сходных друг с другом административных взысканий и уголовных наказаний (т. е. штрафа, ареста, исправительных работ), то они, естественно, отличаются по своему характеру, режимам, размерам и срокам. Так, размер штрафа как уголовного наказания, как правило, существенно превосходит размер административного штрафа, а двухнедельный административный арест гораздо короче шестимесячного уголовно-правового ареста. Более того, арест как один из основных видов уголовного наказания может применяться ко всем преступникам, деяния которых подпадают под норму и санкции соответствующей нормы уголовного закона, тогда как административный арест не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до двенадцати лет, а также к лицам, не достигшим восемнадцати лет, и к инвалидам первых двух групп. Однако в данном случае весьма уместна, правомерна и целесообразна была бы рецепция уголовным законом принципов административного права. В отличие от уголовного наказания, административное взыскание не влечет за собой положение судимости правонарушителя. В порядке исключения за совершение административных правонарушений военнослужащие и призванные на военные сборы военнообязанные, а также лица, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине, несут дисциплинарную ответственность. К дисциплинарной ответственности в этих случаях привлекает командир или начальник данного воинского подразделения.

Существенно отличаются друг от друга порядок и сроки обжалования обоснованности и законности решений об административных взысканиях и судебных приговоров по уголовным делам.

В отличие от гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых нарушений дисциплинарные проступки представляют собой правонарушения, которые совершаются в сфере служебных отношений и связаны с ослаблением порядка отношений подчиненности по службе, учебной, трудовой, воинской дисциплины.

Дисциплинарные проступки отличаются от преступлений, прежде всего, объектом своего регулирования (служебная деятельность, система отношений власти-подчинения), объективной стороной своего состава (причинение существенного вреда интересам службы), а также особенностями субъектов правоотношений. Так, если военнослужащий не исполняет приказа своего начальника, отданного в установленном порядке, и при этом наносит существенный вред интересам воинской службы, то такое правонарушение уже образует состав преступления, предусмотренного ст. 332 УК РФ. Однако если данный поступок не причиняет существенного вреда служебному порядку, то он является всего лишь дисциплинарным проступком, который влечет за собой, как правило, содержание на гауптвахте.

Если дисциплинарные проступки представляют собой непосредственную и реальную опасность для жизни и здоровья людей, то они могут трансформироваться в уголовно

наказуемые деяния. Например, если трудовое правонарушение в сфере правил техники безопасности труда со стороны ответственного за их соблюдение лица причиняет здоровью людей тяжкий вред или профессиональную болезнь, то оно образует по ст. 157 УК Республики Армения отдельный состав преступления, за совершение которого виновные наказываются лишением свободы сроком до двух лет.

Совершение дисциплинарного правонарушения влечет за собой наложение дисциплинарного взыскания со стороны администрации соответствующего учреждения, предприятия или организации, в которых трудится правонарушитель, или со стороны вышестоящего в порядке подчиненности органа. Формы дисциплинарного взыскания следующие: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу сроком до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок. При систематических нарушениях, прогулах без уважительных причин, появлении на работе в нетрезвом состоянии возможно также снятие с должности или с выполняемой работы. Вопросы наложения дисциплинарных взысканий, порядок их обжалования и снятия регулируются законодательством о государственной службе, о труде, типовыми правилами внутреннего трудового распорядка, специальными положениями и дисциплинарными уставами.

Подобно гражданскому правонарушению (деликту, административному и дисциплинарному проступку), преступление также является противоправным, общественно опасным, виновным, законодательно предусмотренным проступком правосубъектных лиц, за совершение которого устанавливается правовая ответственность и применяются определенные санкции.

Как справедливо отмечает Н. Ф. Кузнецова, «существенное различие между преступлениями и иными правонарушениями – в характере и степени общественной опасности. По характеру, определяемому более всего объектами посягательств, и степени общественной опасности преступления всегда более опасны, чем непроступные правонарушения».[3]

Тем не менее, в отличие от деликтов и проступков, преступление связано с уголовной ответственностью и с более строгим правовым воздействием на правонарушителя – наказанием, поскольку при совершении преступления нарушаются наиболее важные правоохраняемые ценности и общественные отношения, а установленный правопорядок ставится под угрозу.

Итак, преступление – это противоправное, общественно опасное и виновное деяние, совершенное определенными правосубъектами (вменяемыми лицами, достигшими определенного возраста либо являющимися по закону юридическими лицами) в нарушение системы уголовно-правовых ценностей (жизни, здоровья, чести, достоинства, прав и свобод людей, их безопасности, собственности, законной деятельности, социального мира и здоровой окружающей среды) и отношений уголовно-правового порядка.

Существенным и отличительным моментом в понятии преступления является определенная степень общественной опасности (подробнее об этом мы поговорим в следующем параграфе), проявление злой воли в форме обмана, насилия или грубой неосторожности, от которых следует избавить деформированную и расщепленную душу виновного, исправить ее и восстановить в нем добрую, свободную и ответственную волю посредством определенного духовно-психологического, мировоззренческого и образовательно-культурного воздействия на его личность, т. е. наказания. Кстати, в этом контексте понятие наказания производно от понятия преступления, равно как вид, размеры и режимы наказания. Поэтому категории тяжести преступлений необходимо выводить из самого характера преступления и степени его общественной потенциальной и реальной опасности.

К великому сожалению, во многих странах мира имеется противоположный подход в решении этого чрезвычайно важного вопроса, поскольку категория тяжести преступлений определяется подчас произвольно установленными видами и размерами наказания со всеми

вытекающими из этого неправомерными и дисфункциональными последствиями.

Представляется, что одной из основных причин такого превратного подхода к решению данной проблемы в известных нам действующих уголовных законодательствах является либо отсутствие самого определения преступления либо его довольно примитивное, абстрактное понятие, в котором отсутствуют свойственные ему признаки противоправности и виновности общественно опасного деяния, что нередко становится питательной почвой для законодательного и правоприменительного произвола.

На наш взгляд, понятия преступления и производного от него наказания должны конституироваться на таких существенных критериях, как противоправность, виновность, мера потенциальной и реальной общественной опасности деяния для наиболее значимых правоохраняемых объектов и отношений, т. е. правопорядка в целом. Категория же преступлений должна определяться не только и не столько общественно опасными последствиями виновного деяния, сколько степенью интенсивности злой воли правонарушителя (характером, последствиями обмана, насилия, небрежности) и ее связи со способом, местом, временем и повторным совершением конкретным лицом правонарушений, которые перерастают в новое качество преступления.

Все это должно быть законодательно учтено при установлении нормы уголовной ответственности и конкретных видов и размеров подлежащих практическому применению санкций. Именно эти критерии впоследствии должны определять особенности уголовно-правоприменительного процесса, применения наказания, а также сроков оставления осужденного в статусе имеющего судимость.

Такой подход к решению указанных проблем в какой-то мере убережет законодателей и правоприменителей от неосознанного или предумышленного произвола, даст им определенные основания для правомерной криминализации или декриминализации совершаемых правонарушений, о чем мы более подробно поговорим ниже.

§ 2. Понятие признаков и элементов преступления

Как показывает практика, большинство ученых-правоведов и законодателей искренне убеждены в том, что нет необходимости в законодательной формулировке и закреплении понятия преступления, поскольку и так ясно, что всякое преступление в общем есть правонарушение, опасное для общества. Тем не менее после краткого обзора соотношения понятий гражданского правонарушения, административного и дисциплинарного проступка стало понятно, что все они являются противоправными и общественно опасными деяниями. Однако понятие преступления, в отличие от других видов правонарушений, имеет некоторые особые качества и признаки, элементы своего состава: объекты, субъекты, объективные и субъективные стороны, присущие только ему процедуры дознания, предварительного и судебного следствия, а также необходимость применения соответствующего наказания и судимости.

Поскольку наиболее фундаментальными свойствами и признаками преступления являются понятия противоправности и определенной степени общественной опасности (заметим, что вредные последствия, наказуемость и судимость – лишь производные признаки преступления), то представляется целесообразным начать изучение понятия преступления, его признаков и элементов его состава с анализа самих признаков противоправности и общественной опасности в их реальном субординационном соотношении.

Поскольку в нашем понимании право является одним из существенных проявлений воли Бога

на грешной земле по отношению к своим высшим, богообразным и богоподобным творениям в той мере, в какой должно предусматриваться и контролироваться государством, то преступление есть не что иное, как нарушение этой воли, а также производного от него порядка субординационных и координационных взаимоотношений (правопорядка), более или менее адекватно отраженного в действующих законах всякого политического организованного общества.[4] Поэтому никакое действие или бездействие человека не может быть рассмотрено как правонарушение и тем более преступление, если оно не противоречит воле и заповедям Божиим в восприятии, понимании и правосознании того или иного национально-государственного объединения, т. е. народа. В то же время не всякое деяние, противоречащее воле Бога, должно предусматриваться государством и контролироваться как преступление и наказываться, даже если оно не благородно и не одобряется нравственными принципами и нормами обычая данного народа.

В этом смысле любое противоправное деяние всегда в той или иной мере потенциально и (или) реально общественно опасно, т. е. способно причинить вред социально значимым ценностям и отношениям. Очевидно, что сам факт общественной опасности органически связан с противоправным посягательством на наиболее значимые для данного общества правоохраняемые объекты (достоинство, здоровье, имущество, жизнь человека), возможностью причинения или реальным причинением вреда человеку или обществу, с совершением обмана, насилия или грубой неосторожности.

Между тем не всякое общественно опасное деяние обязательно является преступлением, «неправедной обидой» или «лихим делом», если оно по тем или иным причинам не противоправно, т. е. не противоречит воле и заповедям Божиим. Например, если причинение смерти совершено малолетним или невменяемым лицом, либо убийство произошло в состоянии правомерной обороны, либо если убийство или иное причинение телесного вреда совершено во время и во имя исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей (скажем, если полицейский задерживает опасного преступника или профессиональный боксер во время спортивного состязания, сильнейшим ударом нокаутировав своего соперника, причиняет ему смерть).

Между тем всякое противоправное деяние, в особенности преступление, всегда является общественно опасным и требует соответствующего правового воздействия на личность преступника, на его правовое или имущественное состояние.

Следовательно, признак противоправности, противности воле Бога в понятии преступления является первичным и основным, а признак общественной опасности противности воле общества – производным. Ведь во время тех или иных природных катаклизмов, представляющих собой огромную общественную опасность, никто и не смеет помышлять об их противоправности, поскольку деяния Бога

(*acta Dei*), какими бы они ни были общественно опасными, никогда не нарушают чьих-либо так называемых естественных прав и свобод.

Таким образом, не противоправность следует за общественной опасностью, как в этом убеждено большинство выдающихся юристов прошлого и современности, а наоборот, общественная опасность становится неотъемлемым признаком понятия преступления по причине противоправности деяния.

Кроме того, в понятии определенных видов и составов преступлений общественная опасность может быть не только реальной, т. е. уже причиненной, со всеми вытекающими отсюда вредными последствиями, но и потенциальной, еще не наступившей, хотя и непосредственно угрожающей. Потенциальный характер общественной опасности со всей своей очевидностью проявляется в составах так называемых «преступлений без последствий», т. е. в усеченных составах преступления, на стадиях приготовления или

покушения на совершение определенных видов преступлений. Так, при неправомерных подслушиваниях телефонных разговоров (ст. 226-1 УК Германии), т. е. при незаконном посягательстве на охраняемую уголовным законом интимность или конфиденциальность частных взаимоотношений, независимо от мотивов (любопытства, корысти, мести, ревности и т. д.) и последствий причиненного при этом морального или материального вреда, устанавливается уголовная ответственность и наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, ибо здесь наличествуют потенциальная общественная опасность и факт реального посягательства на установленный правопорядок. Точно так же законодательно предусмотрены и уголовно наказуемые потенциально общественно опасные действия по преступному сговору и созданию организованных преступных сообществ и организаций мафиозного типа, участие в них и приготовление к совершению тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 5 ст. 35 ист. 210 УК РФ).

Преступна и наказуема также угроза покушения или попытка покушения (формальный состав независимо от наличия вредных последствий) на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), на жизнь лица, осуществляющего предварительное следствие или правосудие (ст. 295 УК РФ), сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) в целях нарушения общественной безопасности, порядка осуществления власти, управления, правосудия и охраны правопорядка.

Итак, признаки противоправности и общественной опасности, в том числе потенциальной общественной опасности, являются обязательными в законодательном определении понятия преступления. К сожалению, именно эти два фундаментальных признака (противоправность и потенциальная общественная опасность при формальных и усеченных составах) не включены в ст. 14 УК РФ и ст. 18 УК РА, что вовсе не делает профессиональной чести разработчикам указанных уголовных кодексов.

Представляется, что наиболее полным и развернутым определением понятия преступления, которое следует ввести в текст уголовного закона, является следующее: «Преступлением является предусмотренное законом противоправное, потенциально или реально опасное виновное деяние, за совершение которого виновное лицо обязательно привлекается к уголовной ответственности и, как правило, наказывается в соответствии с законодательно установленными санкциями и приговором суда, оставаясь после отбытия наказания на определенное время в правовом положении судимости».

Теперь, с учетом рассмотренного нами понятия преступления, попытаемся проанализировать и определить основные критерии дифференциации преступлений на конкретные категории и виды в зависимости от элементов их состава

(*corpus delicti*), в частности, в зависимости от значимости уголовно-правоохраняемых объектов, объективной стороны, способа, времени, места совершения и степени тяжести последствий предполагаемого преступления, особенностей его субъектов, субъективной стороны и других правозначимых обстоятельств, обусловивших совершение данного преступления.

Известно, что категории тяжести конкретных видов преступлений принято определять по видам и размерам установленных за их совершение уголовно-правовых санкций. Однако если по тем или иным причинам эти санкции, или мера наказания, установлены законодателем необоснованно, т. е. без надлежащего учета исследуемых нами оснований, то может произойти неосознанная ошибка в определении категории тяжести конкретных видов преступлений со всеми вытекающими отсюда неправомерными и дисфункциональными последствиями.

Так, американский законодатель дифференцирует уголовно-наказуемые правонарушения по соответствующим им срокам лишения свободы: на мелкие уголовные правонарушения, за

совершение которых применяется наказание в виде лишения свободы до пятнадцати суток, например дорожно-транспортные проступки; на мисдиминоры

(misdemeanours), за совершение которых виновные лица могут быть лишены свободы на срок от пятнадцати суток до одного года, и, наконец, на фелонии, за совершение которых преступники могут лишиться свободы на срок выше одного года.

Во Франции категории уголовных правонарушений определяются несколько по-другому, но опять-таки в зависимости от установленных за их совершение видов и размеров наказаний. Следует заметить, что в новом Уголовном кодексе Франции 1992 г. определение самого понятия преступления вообще отсутствует, и это является серьезным поводом для неосознанного допущения определенных законодательных погрешностей, которые могут составить отдельную тему для специального исследования.

По степени убывающей тяжести все уголовные правонарушения во французском Уголовном кодексе классифицируются на преступления, к которым относятся наиболее тяжкие и умышленно совершенные правонарушения; на проступки, т. е. менее тяжкие деяния, совершенные умышленно или по неосторожности, но за которые устанавливаются сравнительно более мягкие наказания, чем за совершение преступлений; и, наконец, просто правонарушения, т. е. малозначительные деяния, за совершение которых не устанавливается наказание в виде лишения свободы, а назначаются только разного рода штрафы. Достоин внимания и то, что преступления, проступки и иные уголовно-правовые нарушения во Франции расследуются разными правоохранительными органами: соответственно – судами ассизов, исправительными трибуналами и полицейскими трибуналами, поскольку сложность и ответственность их разрешения существенно отличаются друг от друга.

В России и Армении категории преступлений законодательно определяются в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния и подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ; ст. 19 УК РА).

В первую категорию (преступления небольшой тяжести) включаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает двух лет лишения свободы. В категорию преступлений средней тяжести включаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает два года лишения свободы. К категории тяжких преступлений относятся умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, а к категории особо тяжких преступлений – те преступления, за совершение которых предусмотренное наказание превышает десятилетний срок лишения свободы или более строгие наказания.

Нетрудно заметить, что законодатель неправомерно относит к категории преступлений средней тяжести, наказуемых лишением свободы сроком свыше двух лет (ч. 3 ст. 15 УК РФ), совершенные по неосторожности деяния, без всякого прямого или косвенного (эвентуального) намерения и цели. К категории таких преступлений относится, например, неосторожное нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта (ч. 3 ст. 263 УК РФ). Невольно складывается впечатление, что в этом случае законодатель не имеет ясного представления не только о сущности и характере преступлений, совершенных по неосторожности, но также о сущности и целях уголовного наказания в виде лишения свободы. Ведь подвергается наказанию сам человек, который, возможно, пострадал от своей неосторожности не менее других, если, конечно, остался жив. Более того, на его месте мог бы оказаться любой законопослушный гражданин, т. е. любой из нас, даже если мы законодатели и судьи, особенно, когда мы чрезмерно утомлены, больны либо по своему природному складу имеем трудноразличимые

психо-физические недостатки. Такой длительный срок лишения свободы лица, случайно допустившего в своей работе неосторожность, нисколько не будет способствовать улучшению его профессиональных качеств, повышению уровня его внимания, реакции, памяти и т. д., а, напротив, послужит надежным средством для его ускоренной и полной деградации как личности, как свободного и ответственного гражданина.

Представляется, что никакие деяния, совершенные по неосторожности, не могут быть рассмотрены в качестве средней тяжести преступлений и, как следствие, наказываться в виде лишения свободы и, тем более, на такие длительные сроки, а только как преступление небольшой тяжести, или, выражаясь посредством французской уголовно-правовой терминологии, как уголовный проступок, который требует не обязательного применения наказания в виде лишения свободы, а только такого наказания, которое правомерно и целесообразно для восстановления по мере возможности причиненного ущерба и социальной реабилитации виновного (скажем, выполнение обязательных работ, штраф, лишение виновного определенного рода занятий или профессий).

Такую точку зрения поддерживает также Н. Ф. Кузнецова, полагая, что «термин „уголовный проступок“ удачно подчеркивает специфику преступлений, за которые вместо уголовных наказаний могут быть вынесены меры общественного воздействия. Эти деяния, оставаясь в целом преступлениями, вместе с тем носят как бы полупреступный характер. Санкции для них также смешанные – наполовину наказания, наполовину меры общественного воздействия. Слово „уголовный“ означает, что речь идет о преступном деянии, а слово „проступок“ означает, что эти деяния близки к антиобщественным проступкам – аморальным, дисциплинарным, административным и гражданским».[5]

На наш взгляд, правомерная классификация преступлений должна исходить из характера и элементов состава законодательно предусматриваемого преступления, и только после этого может законодательно определяться соответствующий им вид и размер, т. е. тяжесть, назначаемого наказания за их совершение. Только при таком логически последовательном процессе законодателю удастся избежать произвольного установления необоснованных видов и размеров наказаний с целью создания гармонической системы взаимосвязанных и взаимодополняемых, необходимых и достаточных мер наказания в рамках единого по духу, содержанию и форме уголовного законодательства.

Естественно, может возникнуть вопрос: как же определить противоправность характера и степень общественной опасности того или иного деяния, как преступления, и как же они связаны с каждым элементом конкретного состава преступления или с другими правозначимыми обстоятельствами его совершения?

Для определения противоправного характера деяния следует хорошо знать заповеди Бога, воспринятые определенным народом, и определить меру противности деяния этим позитивно установленным в Священных книгах положениям. В этом смысле высококлассный правовед не может не быть в определенной мере также и богословом, лицом духовным, просвещенным не только в делах мирских, светских, но и божественных и религиозных. История различных народов со всей очевидностью показывает, что именно церковные каноны, разработанные мудрыми отцами и учителями, впоследствии в той или иной мере трансформировались в светские законы, которые действуют во всех цивилизованных странах.

Что касается определения степени общественной опасности того или иного деяния, то следует признать, что общественная опасность как таковая является оценочной категорией и представляет собой угрозу или реальное причинение вреда наиболее значимым ценностям, целям, принципам, институтам, функциям и отношениям, которые охраняются законом, в нашем случае – уголовным законом. А это, главным образом, зависит от таких доминирующих в данном обществе факторов, как религия, идеология, экономика, политика, образ жизни, общекультурный уровень и т. д. Именно от их действия в значительной мере зависит

официальная оценка степени общественной опасности конкретных правонарушений, законодательные критерии их криминализации или декриминализации, либо классификации их на деликты, проступки и преступления, а также дифференциации преступлений на определенные категории с установлением соответствующих данным категориям видов и размеров наказаний.

Для большей точности законодателю необходимо учитывать буквально все элементы состава предполагаемого вида преступления в их взаимосвязанной целостности и существенных условиях его совершения, иначе он не сможет обоснованно и адекватно конструировать правомерные нормы уголовной ответственности и соответствующие виды и размеры наказаний.

В этом направлении пол-шага вперед сделал Пленум Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. (п. 1 § 40), который предупредил правоприменителей (увы, не законодателя!) о необходимости того, чтобы «при учете характера и степени общественной опасности преступления исходить из важности правоохраняемого объекта, формы вины, степени осуществления преступного намерения (приготовления, покушения, оконченного деяния, способа совершения преступления, размера причиненного вреда и тяжести наступивших последствий)».[6]

Объект посягательства как один из составных элементов состава преступления является необходимым условием

(*conditio sine qua pop*) для законодательного конструирования определенного вида преступления. Без наличия правоохраняемого объекта, равно как и других основных элементов, никакое деяние не может рассматриваться в качестве преступления.

В ныне действующем УК РФ и в УК РА по важности правоохраняемых объектов на первое место ставится жизнь человека, его достоинство, здоровье, права и свободы. Однако сам законодатель оказывается не всегда последовательным при определении видов и размеров уголовно-правовых санкций в соответствии с определенными видами преступлений, поскольку иногда жизнь, свобода и достоинство человека на деле оцениваются ниже, чем его имущество либо собственность государства. Так, армянский законодатель за похищение человека устанавливает наказание в виде лишения свободы от двух до пяти лет, а за совершение кражи в особо крупных размерах - от четырех до восьми лет. А российский законодатель за похищение ценных предметов искусства устанавливает более строгое наказание, нежели за похищение человека или унижение его достоинства, несмотря на то, что никакая тленная вещь на Земле не может быть сравнима с достоинством богообразного и богоподобного творения.

Важность правоохраняемого объекта при определении степени общественной опасности деяния, категории тяжести преступления, видов и размеров наказания обнаруживается в формальных конструкциях таких видов преступлений, как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), организация объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), с момента их приготовления; либо посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля или работника правоохранительных органов (ст. 277, 295 и 317 УК РФ) с момента совершения покушения на указанные правоохраняемые объекты. Иначе говоря, формальные или усеченные составы указанных видов преступлений свидетельствуют о том, что любые действия, направленные против этих объектов, независимо от их завершенности и последствий, представляют собой большую социальную опасность и потому должны пресекаться как тяжкие преступления. В этих случаях любые проявления злой воли преступника рассматриваются в качестве соответствующих действий без количественного учета их реальных последствий, т. е. полной реализации объективной стороны преступления.

Кстати говоря, было бы весьма целесообразно законодательно установить формальные или усеченные составы для приготовлений и покушений на разбойные нападения с применением оружия или насилия. Разумеется, при этом могут возникнуть определенные уголовно-процессуальные трудности, связанные со сбором достаточных для предъявления соответствующего обвинения доказательств. Однако это не должно остановить законодателя от предложенной инициативы, поскольку в противном случае вероятность пресечения большинства разбойных нападений сведется к нулю либо деяние будет доказательно квалифицировано как разбой только после его совершения со всеми вытекающими отсюда убийствами, пытками и вымогательствами. Ведь разбойное нападение с целью ограбления и с вероятностью причинения телесных повреждений или смерти потерпевшему относится к числу тяжких и особо тяжких преступлений, за приготовление или покушение на которые должна быть установлена уголовная ответственность (ст. 30 УК РФ), ибо конкретные действия приготовления к таким преступлениям уже представляют собой непосредственную и реальную угрозу для самых важных объектов, охраняемых уголовным правом: жизни, здоровья, свободы, имущества людей и стабильного правопорядка в целом.

Несмотря на тесную взаимосвязь объекта и предмета преступления, очень важно не перепутать их в практике уголовного правоприменения. Связь объекта и предмета преступления состоит в том, что, например, при отсутствии в уголовном деле предмета преступления (скажем, незаконно хранимого огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и т. п.) невозможно вести речь об объекте посягательства и, следовательно, о наличии предусмотренного законом состава преступления.

Что касается отличия объекта и предмета преступления, то оно состоит в том, что объект преступления всегда имеет обобщающий характер, тогда как предмет преступления обладает конкретным характером. Например, предметами кражи могут стать различные материальные предметы и вещи, равно как и нематериальная информация и т. п. Несмотря на различие вышеперечисленных предметов преступления, все они качественно составляют объект собственности. В то же время в некоторых случаях один и тот же предмет преступления в зависимости от обстоятельств совершения преступления может представляться в качестве различных объектов. К примеру, наличие фальшивых денег в одном случае может рассматриваться в качестве объекта совершения мошенничества (если они очень грубо подделаны), а в другом – в качестве объекта посягательства на кредитно-финансовую систему общества.

Учет особенностей предмета преступления может оказаться весьма необходимым в процессе правильной квалификации преступлений. Так, в случаях незаконного присвоения чужой вещи (скажем, чемодана с большими материальными ценностями), если вещь сравнительно давно утрачена ее собственником, то ее тайное хищение не может квалифицироваться как кража, а только как незаконное присвоение находки.

Подобно объекту преступления, объективная сторона преступления имеет существенное значение для образования состава того или иного вида преступления и определения категории его тяжести. Она представляет собой внешнее проявление и последствие преступного деяния. В формальных и усеченных составах преступлений объективная сторона выражается в конкретных действиях приготовления к преступлению или покушения на его совершение, о чем мы уже говорили выше.

В тех случаях, когда действия виновного, формально подпадающие под определенную статью уголовного закона, малозначительны для совершения определенного преступления, он не должен привлекаться к уголовной ответственности и подвергаться наказанию, предусмотренному законом. Например, если человек украл у своего соседа недорогую вещь (скажем, ручку, электрическую лампочку и т. п.), он может быть привлечен только к административной ответственности, несмотря на то, что совершил предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в виде кражи.

Если действия человека по соучастию в совершении тяжкого преступления по своему характеру и содержанию не представляют собой существенного фактического значения для совершения данного преступления, т. е. малозначительны, то он не должен привлекаться к уголовной ответственности, тем более если его действия не были совершены по собственной инициативе. Скажем, если во время ссоры с соседом муж приказал своей жене принести нож, и жена исполнила это, а затем муж использовал этот нож для нанесения тяжких телесных повреждений соседу, то действия жены, хотя формально и подпадают под определенную статью уголовного закона, не могут расцениваться как преступление.

Тем не менее не всегда и не во всех странах малозначительные действия остаются вне поля действия уголовного законодательства. Так, уголовное законодательство Англии устанавливает институт совокупных малозначительных деяний, которые в отдельности не составляют преступления, но взятые вместе и в целом образуют состав преступления, называемого публичным досаждением

(public nuisance). Так, в процессе рассмотрения одного уголовного дела английский суд признал, что совокупность непристойных разговоров по телефону с различными женщинами, которые в отдельности хотя и не составляют преступления, все же в своей совокупности должны быть признаны преступлением, поскольку данное поведение виновного фактически причиняет обществу большие неудобства и потому в итоге образуют серьезное преступление.[7]

Для образования состава преступления действие или бездействие субъекта уголовного правонарушения должно также иметь объективную причинную связь с вытекающими из него вредными последствиями, иначе деяние не составляет преступления. Например, если больной в больнице скончался из-за внезапного сердечного приступа, а не по причине отказа врача выполнить свои профессиональные обязанности по лечению больного, то бездействие врача вряд ли можно квалифицировать как убийство, если сердечный приступ больного не имел причинной связи с преступным отказом врача не изменять своему профессиональному долгу и оказать больному своевременную и надлежащую медицинскую помощь (ст. 124 УК РФ).

Для того чтобы состав преступления был достаточным и полным, необходимо наличие действия или бездействия, неправомерное воздержание от выполнения необходимых действий или законодательно установленных обязанностей, а не только злое намерение, поскольку за свои, пусть даже самые чудовищные, но голые желания и мысли человек не может нести уголовной ответственности, хотя неизбежно несет нравственную ответственность и, как правило, испытывает на себе не менее тяжелое наказание в виде угрызений совести, по крайней мере до тех пор, пока он сознает свое человеческое достоинство и ответственность перед Создателем. Именно в этих случаях особенно ярко проявляются отличие и органическая взаимосвязь преступления и греха.

Для законодательного установления состава преступления существенна также роль средств и способов совершения предполагаемого преступления. Так, если незаконная охота осуществляется без применения механического транспортного средства или взрывчатых веществ, то она не образует состава преступления в соответствии с ч. 1 ст. 258 УК РФ, а образует состав административного правонарушения в соответствии со ст. 85 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

В определенных случаях место и время совершения преступления могут быть включены в состав преступления в качестве квалифицирующего признака. Так, согласно ч. 1 ст. 256 УК РФ, уголовно наказуемой считается незаконная добыча водных животных и растений в определенных местах и в определенное время, а не везде и всегда.

Учитывая определенные тонкости оценки объективной стороны предусматриваемого

преступления, законодатель иногда оставляет ее восприятие на совести потерпевшего. Например, если оклеветанный и оскорбленный человек не считает нужным подать заявление на действия правонарушителя, то данные действия не характеризуются как преступление и по их поводу не возбуждается уголовное дело.

В целях правомерной конструкции составов различных видов преступлений законодатель должен особое внимание уделить особенностям субъекта преступления. Во-первых, субъект преступления как таковой должен иметь определенную меру осознания характера своих действий и их последствий, а также полную способность контролировать их и руководить ими. Если для всего этого он не достиг определенного возраста или если он имеет не совсем нормальное психическое состояние и невменяем, то он не может стать субъектом уголовной ответственности, подобно другим зрелым и психически здоровым гражданам.

В некоторых случаях, чтобы стать субъектом определенного вида преступления, человек должен принадлежать определенному полу, обладать соответствующими свойствами, знаниями, способностями, заниматься определенной профессиональной деятельностью, занимать определенную должность.

Что касается возраста субъекта преступления, то он в разных странах законодательно оценивается по-разному. В уголовном законодательстве некоторых штатов США возраст уголовно-правовых субъектов вообще не установлен, и вопрос о его способности нести уголовную ответственность решается судом в зависимости от особенностей обстоятельств каждого конкретного уголовного дела. Тем самым, с одной стороны, как бы обеспечивается более дифференцированный подход к определению возрастной ответственности виновных, с другой стороны, этим открывается широкая возможность для судебного произвола.

В большинстве государств мира криминальный возраст все же законодательно установлен. Так, в таких странах, как Ирландия и Индия, уголовная ответственность за совершение некоторых видов преступлений (убийства и других тяжких насильственных преступлений) устанавливается с семилетнего возраста. В Новой Зеландии и Англии криминальный возраст за убийство определен с десяти лет, а за совершение других тяжких преступлений (скажем, за изнасилование) – с четырнадцати лет; за совершение нетяжких преступлений – дифференцированно, с семнадцати до двадцати лет. Во Франции к уголовной ответственности могут привлекаться подростки, достигшие тринадцатилетнего возраста; в Германии, Италии, Японии и России, а также во многих штатах США уголовная ответственность устанавливается с четырнадцатилетнего возраста (хотя в штате Луизиана этот возраст составляет десять лет, в Джорджии и Иллинойсе – тринадцать лет, в Техасе и Нью-Хемпшире – пятнадцать лет, в Нью-Йорке – шестнадцать лет).

В некоторых странах за совершение преступлений несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет уголовную ответственность несут их родители или опекуны как за преступное бездействие в деле их воспитания.

Согласно ст. 19 УК РФ не является преступлением деяние, совершенное физическим лицом, которое не достигло возраста соответственно ст. 20 УК РФ четырнадцати и шестнадцати лет. Статья 20 УК Испании гласит, что лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу, а только по закону об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Для уголовной правосубъектности также необходимо, чтобы лицо было психически здоровым и вменяемым. По уголовному закону некоторых штатов США и Италии не подлежит уголовной ответственности также совершеннолетний и вменяемый человек, если он в момент совершения преступления ввиду своих физических недостатков (глухонемой) не был способен желать и сознавать общественную опасность своих действий либо если он в этот момент находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения не по своей

доброй воле. По японскому уголовному законодательству считаются действующими в бессознательном состоянии и не способными контролировать свои действия также лица, которые страдают состоянием лунатизма.

Некоторые нормы уголовного законодательства сконструированы с учетом пола, профессии и занимаемой в момент совершения преступления должности субъекта преступления. Так, субъектом изнасилования (ст. 131 УК РФ) согласно закону может быть только мужчина, несмотря на то, что это противоречит принципу равенства всех граждан перед законом независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 4 УК РФ).

Известно, что субъектом получения взятки (ст. 290 УК РФ) могут быть только должностные лица, которые облечены правомочиями осуществления государственной власти и управления.

При конструировании некоторых норм уголовного законодательства существенным моментом может стать тип субъекта (факт рецидива совершенных им преступлений или его участия в преступной деятельности организованных преступных групп и т. п.).

Помимо физических лиц в некоторых странах (например, в Англии, Индии, США, Франции и др.) субъектом уголовного права могут быть также юридические лица (промышленные предприятия и корпорации, некоммерческие организации и учреждения, а также органы местного самоуправления). Идея установления уголовной ответственности юридических лиц в этих странах вызревала в течение долгих лет и стала реальностью после апробации в юридической практике. Прежде всего она была вызвана насущной необходимостью ограничения или запрещения незаконно осуществляемых разрешенных видов производственной или иной организационной деятельности, требующей определенного уголовно-правового контроля и регулирования. Так, юридические лица, которые занимались организацией проституции и сводничества, проведением научных и медицинских экспериментов над людьми, либо совершали компьютерные преступления, либо своей деятельностью загрязняли окружающую среду и т. п., постепенно стали привлекаться к уголовной ответственности. В качестве наказания к ним стали применяться уголовно-правовые штрафы в солидных размерах, они принуждались к полному возмещению причиненного своей деятельностью ущерба, а их социальный имидж и деловая репутация «подмачивались» путем опубликования обвинительного приговора суда. В крайних случаях их деятельность либо временно приостанавливалась, либо ограничивалась или вовсе запрещалась. Так, согласно Закону об интерпретации 1978 г. английская Палата лордов в 1996 г. своим решением признала соответствующую промышленную компанию виновной в нарушении норм Закона о здоровье и безопасности на производстве (1974 г.), поскольку деятельность этой компании была связана с определенным риском причинения вреда здоровью и безопасности людей, находящихся на ее территории.

Важными элементами в составе всех видов преступлений являются их субъективная сторона, форма вины, умысла или неосторожности, а также степень интенсивности проявления злой воли преступника.

Еще в древности поговаривали, что если дух человека невиновен, то и его деяние не может считаться преступным. Дело в том, что понятие вины непосредственно вытекало из понятия греха, т. е. осознанного или неосознанного нарушения воли и заповеди Бога. Без предварительного совершения греха, без виновности духа (без наличия порочных, богопротивных чувств, побуждений и намерений) никакие объективные действия не могли вменяться в вину человека, ибо он в этом случае не имел представления о характере своих действий и вытекающих из них вредных последствиях, т. е. не желал и не допускал совершения чего-то злого, богопротивного, непотребного. Если же он допустил злое по

неосторожности, то его деяние только тогда представляет собой преступление, если оно специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 24 УК РФ). Иными словами, не всякое неосторожное причинение вреда должно рассматриваться как преступление.

В зависимости от особенностей субъективной стороны весь состав преступления может существенно изменяться. Так, если злоумышленник допустил ошибку в выборе объекта преступления или предмета посягательства, скажем, убил по ошибке вместо судьи другого человека, либо при совершении грабежа обнаружил пустой сейф, или вместо яда по ошибке использовал другое безвредное вещество и т. д., то для правомерной квалификации деяния решающим моментом становится выявление содержания и направленности умысла и воли субъекта преступления, его желанной цели и намерения, а не то, что фактически он совершил. Дело в том, что неудачная реализация умысла виновного в таких случаях могла произойти по чистой случайности, т. е. независимо от воли преступника, а привлечение к уголовной ответственности не должно зависеть от случайных обстоятельств.

В то же время, если имела место непреодолимая ошибка в факте или в оценке противоправности деяния, скажем, человек по своей невнимательности перепутал на аэровокзале свой чемодан с чужим чемоданом; либо если мужчина из-за провокационного поведения своей знакомой вступил с ней в сексуальную связь, не подозревая о несогласии последней; либо если мусульманин-иностранец поспешно обзавелся еще одной женой на территории России, т. е. нарушил христианско-православный и уголовно-правовой запрет многоженства, то все эти действия не должны быть оценены в качестве преступления. Если же допущенные ошибки можно было бы легко преодолеть данному человеку, однако он все же не имел намерения нарушить закон, то его действия нужно квалифицировать, по крайней мере, как неосторожно совершенные и при этом назначить существенно более мягкое наказание. Подобный порядок, например, установлен в ст. 14 УК Испании.

Субъективная сторона преступления иногда может иметь самое важное правовое значение для оценки конкретного деяния как преступного или непроступного. Так, если человек умышленно разбил свой дорогостоящий автомобиль с целью получения страховки, то его деяние составляет преступление в виде мошенничества. Однако если он сделал то же самое без корыстных намерений, а так, для очередного развлечения, то в его действиях нет состава соответствующего преступления.

Во всех случаях, когда воля человека парализована какими-то внутренними или внешними обстоятельствами, скажем, если человек перед лицом голодной смерти совершает кражу или ограбление продуктового магазина, либо те же действия он совершает под воздействием непреодолимого принуждения или страха, он становится неспособным вести себя в соответствии с требованиями своего сознания, а воля его оказывается недостаточной для мобилизации всех своих интеллектуальных и душевных способностей для воздержания от определенных преступных действий. Данные обстоятельства также должны быть учтены законодателем при установлении норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение конкретных поступков.

В заключении данного параграфа можно сделать вывод о том, что содержание субстанциональных, или предметных, норм (ни в коем случае не материальных, ибо понятие материальной нормы невольно ассоциируется с понятием материальной идеи или цели, что, конечно, звучит также совершенно абсурдно) уголовного права включает в себя все существенные признаки и элементы состава преступления, которые, как мы потом убедимся, дают законодателю важные ориентиры и основные критерии для законодательного конструирования правомерных и целесообразных видов и размеров уголовно-правовых санкций, т. е. необходимых и достаточных мер наказаний.

§ 3. Мера относительности понятия преступления

В отличие от религиозных заповедей нормы действующего законодательства несравненно менее постоянны во времени и в пространстве. Незаконное и преступное в одном и том же месте в другое время может стать терпимым или вовсе даже законным в зависимости от различных обстоятельств. Более того, в одно и то же время, но в разных местах один и тот же поступок может быть поощряемым действующим законом, и наоборот, строго запрещенным законом.

Законодательство различных народов в одно и то же время может иметь значительное сходство, если эти народы имеют одинаковую систему религиозных и нравственных ценностей, целей, принципов, институтов и функций, правосознание и образ жизни. У таких народов (например, проповедующих православную христианскую религию) весьма схожими оказываются также охраняемые правом объекты и социальные отношения.

В сущности понятие преступления у всех народов представляет собой правовую оценку определенных неправомерных фактов и обстоятельств, которые в той или иной мере существенно нарушают установившийся порядок религиозных, нравственных, политико-экономических и иных отношений данного общества, а также систему правоохраняемых ценностей.

Иными словами, преступление есть законодательное определение противоправного и общественно опасного зла, которое необходимо преодолеть посредством социальных и государственно-правовых средств, в особенности посредством уголовного, т. е. личного наказания тех, кто дерзнул преступить закон и совершить запрещенное зло.

Дело в том, что правовые критерии ценности и значимости правоохраняемых объектов имеют абсолютно-относительный характер, поскольку, с одной стороны, они диктуются правом – проявлением абсолютной воли и неизменных заповедей Бога (система внедоговорных императивов), а с другой стороны – обусловлены исторически преходящими состояниями и политическими интересами и компромиссами определенного народа, динамичным уровнем его экономического и культурного развития.

При этом всякое невежественное или корыстно-компромиссное пренебрежение правовыми императивами чревато непредсказуемыми и далеко идущими разрушительными последствиями (например, в случаях легитимации таких смертных грехов, как пропаганда безопасного секса и организованное сводничество, гомосексуализм и клонирование, повальные аборты и эвтаназия). В Средние века за совершение подобных тяжких грехов преступники карались смертью посредством сожжения на костре, с тем чтобы духовная нечисть и зараза не распространялась, не нарушала духовную целостность общества, не разъедала веру и не деформировала систему нравственных ценностей народа, чтобы похоть очей, похоть плоти и гордость житейская не стали основанием для разработки различного рода идеологических доктрин, а всякое непотребство не возводилось в закон.

Во многих штатах США, где значительно влияние христианской церкви, в разряд преступлений включены также такие деяния, как содомия – половое сношение через рот или задний проход независимо от семейного положения сексуальных партнеров, кровосмешение (инцест), мужеложство (гомосексуализм). Правда, в силу их различных особенностей виды и размеры наказаний за совершение одних и тех же преступлений существенно различны. Так, инцест в штате Калифорния карается лишением свободы сроком на пятьдесят лет, в штате Пенсильвания устанавливается такое же наказание, но уже на срок до пяти лет; за совершение актов гомосексуализма и содомии в штате Джорджия виновные наказываются лишением свободы на срок до пяти лет, а во многих других штатах за совершение таких

деяний предусматриваются лишь штрафные санкции, либо эти деяния вообще депенализированы.

Новый Уголовный кодекс Испании (1995 г.), где влияние католической церкви довольно ощутимо, уголовно наказуемыми считаются детоубийство (незаконный аборт) (ст. 145), генетическая манипуляция, т. е. умышленное изменение генотипа человека (ст. 159), использование генной инженерии в военных целях (ст. 160), клонирование, т. е. искусственное оплодотворение человеческой яйцеклетки с целью создания идентичных человеческих существ или селекции человеческой расы (ст. 161).

Уголовное законодательство большинства стран, население которых исповедует магометанскую религию, основывается на принципах и нормах шариата – мусульманского пути и образа жизни, который позволяет мужчинам убивать своих неверных жен и их любовников, если он застает их на месте совершения прелюбодеяния. Однако, по шариату, преступные для христианского правосознания уплата и принятие выкупа за невесту, похищение женщины для вступления в брак, заключение соглашения с лицом, не достигшим брачного возраста, кровная месть и т. п., составляют неотъемлемую часть норм национально-исторических обычаев и традиций мусульманских народов.

Поскольку Россия представляет собой федеративное государство, Уголовный кодекс РФ должен учитывать религиозные, национально-исторические и культурные особенности проживающих на ее территории национально-государственных образований – республик, краев, областей, округов, в которых проживают народы, проповедующие ислам, буддизм и т. д. Именно поэтому уголовное законодательство различных штатов США имеет свои отличительные содержательные особенности. Более того, применение уголовного законодательства даже на индейских территориях в США обладает существенной спецификой. Дело в том, что на этих территориях действует исключительная юрисдикция США, и, если, например, один индеец совершил преступление против личности или имущества другого индейца и был наказан по законам и обычаям данного индейского племени, то уже никто не вправе вмешиваться в это дело, в том числе федеральный центр.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку: противоправная деятельность разного рода религиозных сект и политических организаций, которые под видом совершения религиозных обрядов духовно совращают, искусственно отрывают людей от их истинной и традиционной веры и жизненно дезориентируют их, не должна влиять на содержание уголовного законодательства, которое, напротив, само должно со всей строгостью пресекать подобную деятельность (ст. 148 УК РФ).

Помимо религии на нормативное понятие преступления существенное воздействие оказывают идеология и политика, а также правовые обычаи, доктрины, нравственное, природно-климатическое, географическое, технико-экономическое состояние конкретного общества в определенные периоды времени.

Так, в ветхозаветные времена за совершение прелюбодеяния иудеи предавали виновных смерти посредством побития камнями. Строго порицалось и наказывалось также ростовщичество, т. е. поедание хлеба, добытого «в поте чужого лица». В наше либеральное время акты прелюбодеяния и ростовщичества (особенно банковского) в большинстве экономически развитых стран, не испытывая должного законодательного противодействия, получили не только всеобщее признание, но и всестороннее развитие.

По римскому праву убийство раба своим хозяином не рассматривалось как преступление, а считалось актом правомерного уничтожения своего имущества

(*instrumentum vocale* – говорящим орудием). Кроме того, у древних римлян существовал обычай выбрасывать, т. е. убивать, уродливых детей, а по закону Ромула отцы получали

право жизни или смерти над своими детьми, начиная с трехлетнего возраста.

Иными словами, в этих и других случаях убийство людей не считалось преступлением. Не считалась преступлением также успешная кража в Древней Спарте; напротив, она считалась мужской привилегией и умением, и потому неумелых и неудачных воров, пойманных на месте преступления, подвергали мучительным наказаниям.[8]

В наше время количество факторов, оказывающих существенное влияние на содержание уголовного законодательства, нисколько не убавилось, а наоборот, значительно возросло. К ним прежде всего относятся: официальная идеология, принадлежность к тому или иному гражданству, режим правления, характер экономического уклада, уровень научно-технического образования, общепринятые правовые доктрины и т. д.

В течение так называемого «переходного периода» развития республик бывшего Советского Союза, т. е. государств СНГ, вследствие этих факторов произошли существенные изменения в их действующих уголовных законодательствах. Так, после пересмотра основ коммунистической идеологии и официального признания идеологии либерализма и рыночных экономических отношений многие нормы уголовного законодательства были либо изменены, либо отменены, либо дополнены. Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за антисоветскую пропаганду и агитацию, за невозвращение на Родину (кстати, приравливаемую к измене Родине), за спекуляцию, за осуществление частнопредпринимательской деятельности, коммерческого посредничества, за невыполнение государственно-экономического плана, приписки и другие искажения отчетности, за нарушение правил регистрации и паспортной системы, ведение паразитического образа жизни, занятие бродяжничеством и попрошайничеством, мужеложство, многоженство и т. д., были, хотя и не всегда правомерно, полностью отменены.

Наряду с процессом декриминализации определенных деяний шел процесс криминализации новых видов правонарушений. К ним, например, относятся: нарушение равноправия граждан, нарушение неприкосновенности частной собственности, отказ от предоставления гражданам необходимой им информации, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования, препятствие в регистрации права на свободные выборы и референдум, а также лжепредпринимательство, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание) незаконно полученных денежных средств, регистрация незаконных сделок с землей, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, незаконное получение кредита, злостное уклонение от получения кредиторской задолженности, коммерческий подкуп, преднамеренное (фиктивное) банкротство, незаконный экспорт технологии, научно-технической информации, компьютерные преступления, заведомо ложная реклама, нарушение антимонопольного законодательства, сокрытие налогов или злостное уклонение от уплаты налогов или таможенных пошлин и т. д.

Следует заметить, что вмешательство уголовного закона в сферу гражданско-правовых отношений вызвано необходимостью усиления санкций за чрезмерно распространенное преднамеренное уклонение от выполнения гражданско-правовых обязательств, которое существенно подрывает стабильный правопорядок в обществе.

На содержание норм уголовно-правового законодательства влияют также и другие факторы. Так, в Эквадоре, в условиях социально-политической нестабильности общества, преступлением считается критика президента или других правительственных служащих, и виновные в этом подвергаются наказанию в виде лишения свободы.[9]

В Бирме установлена уголовная ответственность за недонесение или сокрытие «неполноправными гражданами», т. е. не родившимися на территории страны и не являющимися бирманцами по своей национальной принадлежности, каких-либо фактов

преступлений, совершенных иностранцами или натурализованными гражданами.[10]

В Саудовской Аравии и ряде других стран (Бутане, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратах, Гане, Гвинее, Мавритании и др.), в которых легальные политические партии законодательно запрещены, попытка их создания сурово преследуется уголовным законом.

В ряде стран Центральной Европы (Болгарии, Венгрии, Сербии и др.) уголовная ответственность устанавливается за совершение кровосмешения (инцест). Согласно ст. 55 Конституции Испании 1978 г. преступлением считается «незаконное или неоправданное приостановление действия прав и свобод» со стороны высших должностных лиц государства.[11]

На содержание норм уголовного законодательства существенное влияние оказывают правовые учения и доктрины и принятые на их основе судебные решения – прецеденты. К примеру, уголовное законодательство Германии в свое время было разработано посредством конкретизации и законодательного нормирования идей и положений классической школы уголовного права – учений Канта, Гегеля, Фейербаха, Листа, Принса и других мыслителей о свободе воли, о вине, о соотношении свободы и ответственности, справедливом возмездии, диалектике развития понятий преступления и наказания.

На развитие уголовного законодательства Италии, Франции и других стран огромное влияние оказали идеи социальной защиты антропологической школы (антропологическая философия Ломброзо, Ферри, Анселя, а также просветительско-гуманистическая теория Монтескье, Беккариа, Вольтера и др.).[12]

Таким образом, мера относительности понятия преступления в основном определяется степенью влияния на нормы уголовного законодательства принципов и норм традиционной религии, нравственности, обычаев, господствующего политического и экономического уклада, уровня научно-технического развития и правосознания национальных лидеров – глав государств, правительств, парламентариев, судей, работников правоохранительных органов, разрабатывающих и применяющих действующее законодательство.

Глава 2

Нормативные источники определения видов преступлений

§ 1. Метаправовые источники уголовного права

В правоведении источниками права принято считать любые формы внешнего, нормативного выражения тех или иных официально признанных и государственно-контролируемых и регулируемых прав и обязанностей людей. В этом смысле любую нормативную систему (религию, нравственность, обычаи и т. д.), которая выходит за пределы нормативной системы действующего законодательства, но вместе с тем имеет существенное влияние на всю правовую систему, можно рассматривать как метаправовой источник права, без которого само право как таковое не может быть понято и оценено в надлежащей мере. Дело в том, что изучать право как замкнутую систему, без выхода за его собственные пределы – это то же самое, что пытаться выбраться из болота, таща себя за волосы. Поэтому обращение к метаправовым источникам права, в данном случае уголовного права, является не столько

привилегией разносторонне образованных правоведов-криминалистов, сколько насущной необходимостью выйти из порочного круга позитивистски-плоского однообразия и неприличной банальности, системы заученных формально-юридических догм, замкнутой самодостаточности уголовного права как отдельной отрасли права и учебной дисциплины.

Существующие различия в разных системах уголовного права у различных народов обусловлены прежде всего особенностями их мироощущения, мировосприятия, мировоззрения, религиозного, нравственного, традиционного и культурного образа жизни, собственного призвания, назначения и смысла в общем потоке духовно-исторического развития всего человечества. Без учета общего смысла и особенностей этого процесса невозможно серьезно оценить специфику той или иной правовой системы, их единую сущность и цель при внешнем разнообразии или даже нередко очевидной противоположности. К примеру, если в перенаселенном Китае законодатель предусматривает определенные ограничения и запреты на многодетные семьи, то законодатели малонаселенных Армении и Нагорного Карабаха, напротив, всячески поощряют рождение каждого младенца; однако и в том, и в другом случаях, при кажущейся противоположности действий национальных законодателей, все равно прослеживается одна законодательно закрепленная цель – по возможности оптимизировать численность населения в своих странах, а также установить баланс между народонаселением и используемыми природными ресурсами, повысить благосостояние народов в условиях стабильного правопорядка.

Только с таких позиций можно заметить существенное единство во внешне различных вещах и, наоборот, существенное различие при внешне одинаковых действиях.

Следует заметить, что метаправовые источники права, и в частности, уголовного права, существовали задолго до появления права и государства. В догосударственные периоды жизни человеческих обществ они в достаточной мере могли регулировать взаимоотношения между людьми. Право и закон пришли им на помощь только тогда, когда стала чувствоваться и осознаваться недостаточность метаправовых источников права в регулировании общественных отношений. Поэтому право и закон представляли собой производные от таких источников и дополняющие их средства для поддержания порядка в обществе. Следовательно, как правило, нормы права и закона не могли противоречить нормам своих первоисточников, но могли дополнять и усиливать их.

Разумеется, в истории развития человеческого общества, ввиду развития правосознания и общей культуры людей, целый ряд правовых норм устанавливался для изменения или отмены некоторых обычаев, например, обычаев кровной мести, рабовладения, убийства хозяином своих рабов, индийского обычая сати, согласно которому жены в знак верности своим мужьям до гроба предавали себя самосожжению вместе с трупом мужа во время его похорон и т. д. Тем не менее многие нормы религии, нравственности и обычаев со временем постепенно трансформировались в государственный закон и стали применяться в принудительном порядке. Понятно, что, будучи узаконенными и получившими принудительные санкции, они вместе с тем не переставали оставаться соответственно религиозными, нравственными и обычными нормами, и потому любые законодательные и правоприменительные злоупотребления ими никогда к добру никого не приводили, а лишь дестабилизировали правопорядок в обществе.

Общеизвестно, что все правовые системы мира (романо-германская, или континентальная, англосаксонская, или система общего, прецедентного права, традиционно-общинная система права и т. д.) органически проникнуты религиозными, нравственными и иными ценностями и принципами.[13] Так, и романо-германская, и англосаксонская правовые системы имеют своими истоками христианские западноевропейские религиозные традиции, поскольку исторически отпочковывались от системы канонического права.[14]

Законодательство почти всех стран мусульманского Востока основано на священном Коране и принципах шариата; у еврейского народа – на книгах Ветхого Завета, Библии, Торе, Талмуде и других священных писаниях; у индусов – на принципах религии буддизма; у японского народа – на основе религиозного учения синтоизма и т. д.[15]

Вся разница между ними состоит в том, что незаконные заповеди Бога направлены, прежде всего, на очищение души человека от разъедающего ее греха, восполнение ее сущностью Духа Святого и ее исцеление, а не только на кару и воздаяние преступившего закон человека. Однако в той мере, в какой уголовный закон пытается исправить личность виновного, он органически сливается с религиозной заповедью Бога, Который бесконечно терпеливо, любовно и милостиво призывает не праведников, а грешников и преступников к пожизненному покаянию и исправлению в соответствии со Своим Богочеловеческим (Христовым) образом и заповедями.

В тех странах, где традиционной или государственной является магометанская религия – ислам, основным источником уголовного права является шариат, который регулирует почти все стороны, путь и образ повседневной жизни каждого правоверного мусульманина с его рождения до смерти. При этом Священный Коран является Книгой книг для всех мусульман, которая содержит в себе собрания обычно-правовых установлений, проповедей и молитв пророка и посредника Всемогущего Аллаха Магомета.

Система права, основанного на шариате, оставляет достаточно много места также для свободного усмотрения и дискреционных полномочий судей и иных правовых авторитетов (иджтихат).[16]

В качестве важных метаправовых источников уголовного права могут выступать также нормы нравственности, вытекающие из религиозных или политико-идеологических основ данного общества в определенный период времени.

Совершенно иной оборот принимали подобные дела в эпоху безбожной, безрелигиозной, самовольной коммунистической морали, на почве которой поспешно давали свои всходы все новые и новые манкурты вроде пресловутого Павлика Морозова, которого либо мучила совесть за недонесение на своего родного отца, либо влекла за собой миссионерская гордость великого строителя коммунизма. В соответствии с требованиями морального кодекса строителя коммунизма ранее действующие в республиках бывшего СССР уголовные кодексы устанавливали уголовную ответственность за отказ от дачи обвинительных показаний на своих родных и близких. Однако оторванная от истоков жизни коммунистическая мораль, естественно, должна была вскоре засохнуть на собственном корню, освободив тем самым уголовный закон от подобных безбожных, безнравственных и неправомερных заблуждений и вымыслов.

Значительную роль в формировании, толковании и практическом применении норм уголовного законодательства играют обычай как метаправовой источник уголовного права и кодифицированное повседневной жизнью состояние социального правосознания, действующее как внутри, так и вовне людей. Можно предположить, что все законодательство и даже отдельные судебные решения действуют лишь в той мере, в какой они связаны с действием соответствующих религиозных и национальных обычаев, локальных особенностей жизни и масштабом правосознания данного народа. К примеру, обычай кровной мести, в отличие от прочих законов, был знаком народам лучше, применялся более ревностно и неукоснительно как мера наказания, нежели многие нормы санкционированного законодательства. Как в свое время заметил Аристотель, «законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писанные...»[17]

Интересен также тот факт, что до 1957 г. в Гренландии не было писанных уголовных законов, а применялись обычаи, основанные на религиозных верованиях и устных преданиях.

Впоследствии, ввиду малочисленности норм уголовного законодательства, многие уголовные дела здесь решались по аналогии, а сами нормы Особенной части Уголовного кодекса содержали лишь квалифицирующие признаки определенных составов преступлений без указания на виды и размеры конкретных уголовно-правовых санкций и наказаний, среди которых отсутствовали такие виды наказания, как смертная казнь и даже тюремное заключение.

Даже в наше время в большинстве стран Африки нормы уголовного законодательства применяются не так часто, да и то в тех случаях, когда они соответствуют естественно сложившимся национальным обычаям. При этом многие должностные лица нередко сами действуют согласно этим обычаям.[18]

Правовое значение института обычая также признано на всех официальных уровнях, вплоть до действующих конституций и даже общеобязательных международно-правовых актов или региональных соглашений, в которых имеются специальные ссылки на разного рода обычаи и обыкновения.

§ 2. Правовые источники уголовного права

В условиях многобожия, маловерия или безверия в Бога и анархии, царящей в человеческих душах, любой обычай, в том числе изначально неправомерный, обретает силу закона. К примеру, обычаи кровной мести, самосуда и самоуправства широко распространены там, где нет сильной, централизованной и легитимной власти, т. е. власти, основанной на доверии населения. Однако при наличии массовой веры в Бога и исполнении Его заповедей либо, по крайней мере, при наличии нравственного или организационного авторитета и могущества государственной власти и при прочих нормальных условиях обычай кровной мести, равно как и другие подобные обычаи (рабства, проституции и т. д.), становятся неправомерными, со временем отменяются нормами позитивного права и постепенно изживаются из социальной жизни. В недалеком прошлом в Индии в целях борьбы с суевериями был законодательно отменен противоправный обычай сати, и все подстрекатели к следованию этому обычаю привлекались к уголовной ответственности и подвергались наказанию в виде смертной казни или пожизненного заключения.

Очевидно, что для противопоставления закона неправомерному обычаю необходимы строгие санкции и наказания, которые призваны гарантировать силу действия закона. Увы, но только при таких условиях императивные санкции закона способны преодолеть конвенционально-побудительное действие сложившегося обычая.

Правовые источники уголовного права разнообразны и могут быть облечены в форму позитивных норм закона, определенные положения международно-правовых актов, договоров и соглашений, конституций государств, различных законов и кодексов, подзаконных актов и судебных прецедентов.[19]

Так, в Англии, стране общего и прецедентного права, судебные прецеденты разрабатывались на основе теоретических трудов классиков-правоведов Э. Кока («Институции»), У. Блэкстона («Комментарии к законам Англии»), Р. Кросса («Прецедент в английском праве») и др. Иными словами, сформированное на такой идейной основе правосознание законодателей и судей впоследствии трансформировалось в конкретные юридические решения в уголовно-правовых делах, а эти решения, в свою очередь, легли в основу системы норм уголовного законодательства и получили прочный статус источников уголовного права.

Как известно, в Англии нет единого Уголовного кодекса, и потому уголовно-правовые нормы

содержатся в разных актах парламента – статутах: Закон об измене 1351 г., Закон об уголовно наказуемом покушении 1981 г., Закон о защите от запугивания 1997 г., Закон о преступлении и наказании 1997 г., Закон о преступлении против личности и ином нарушении порядка 1998 г. и другие статуты парламента.

Источниками уголовного права в Англии могут признаваться также нормативные акты Европейского Союза в соответствии с Законом о Европейских сообществах 1972 года. Эти нормативные акты в основном связаны с регулированием экономических проблем, среди которых – уклонение от уплаты таможенных пошлин; нарушения транспортного законодательства; нарушения иммиграционных правил и акты недобросовестной конкуренции. К ним относятся различного рода договоры, директивы и решения органов Европейского Сообщества. Однако европейское законодательство большей частью применяется при регулировании уголовно-правовых отношений, содержащих в себе иностранный элемент, либо связанных с международными перевозками или морским рыболовством. В большинстве случаев английские суды правомочны толковать внутринациональные законы в духе европейского законодательства, в особенности в рамках Европейской конвенции по правам и основным свободам человека 1950 г.

Источниками уголовного права США являются Конституция 1787 г., конституции отдельных штатов, законы, принятые Конгрессом США, различного уровня подзаконные акты, а также определенные нормы международного права, положения отдельных договоров и соглашений. В весьма ограниченной мере источником уголовного права США могут быть также нормы обычного права индейских племен.

Конституция США и конституции штатов в определенной мере регулируют порядок привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц государства, процесс должной правовой процедуры

(due proces of law), отменяют Билль об опале, устанавливают президентские полномочия об отсрочке исполнения приговоров и о помиловании за совершение преступлений. В конституционном Билле о правах (1791) устанавливается запрет двойной ответственности

(double jeopardy) за совершение одного и того же преступления в соответствии с принципом «non bis in idem», запрещается наложение чрезмерных штрафов, а также применение жестоких и необычных наказаний. Что касается уголовно-правовых норм, устанавленных в конституциях субъектов американской федерации, то Конституция штата Иллинойс, например, содержит принцип, согласно которому мера наказания должна определяться с учетом тяжести совершенного преступления, а цель наказания должна быть связана с необходимостью возвращения виновного к социально полезной, нормальной жизни.

Одним из основных источников уголовного права является Свод законов США, в частности, раздел «Преступления и уголовный процесс», который включает в себя около трех тысяч законодательных актов (Примерный Уголовный кодекс США 1962 г., Комплексный закон о контроле над преступностью 1984 г., Закон о борьбе с насильственными преступлениями 1994 г., Уголовный кодекс штата Нью-Йорк 1965 г. и многие другие законы). Однако даже статутное уголовное законодательство содержит в себе множество ссылок на принципы общего (прецедентного) права, которые в некоторых штатах действуют без всякого ограничения (например, в штате Флорида). Поэтому в этих штатах всегда существует возможность для проявления судейских усмотрительных полномочий, в том числе вынесения судебных приговоров вопреки конституционному принципу

«nullum crimen, nulla poena sine lege». В других штатах, где законодательно отменены принципы общего права (скажем, в штате Висконсин), они, тем не менее, применяются на практике, если не противоречат позитивным нормам действующего уголовного законодательства, особенно при разрешении вопросов о возрасте субъекта, подлежащего

уголовной ответственности, состоянии его вменяемости, наличии принуждения, правомерной обороны, крайней необходимости и т. п.

Как видно, судебные прецеденты все же являются заметным источником уголовного права США. В ряде североамериканских штатов суды по-прежнему имеют право конструировать новые составы преступлений.[20] Причем такие решения судов, как правило, обладают юридической силой

(obligatory). В других штатах решения судов по уголовным делам по крайней мере имеют силу убеждающего

(persuasive) прецедента.

О значении судебного прецедента при решении уголовных дел свидетельствует ряд фактов. Так, в уголовном деле *Roth v. U. S. A.*

(1957), связанном с распространением порнографических непристойностей через прессу, Верховный Суд США определил «непристойность» как то, что может вызвать похотливый интерес

(prurient interest) у людей, и этот судебный прецедент лег в основу рассмотрения всех уголовных дел, имеющих отношение к распространению порнографических материалов.[21]

Источниками уголовного права Франции являются Всеобщая Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., Конституция Франции 1958 г., Уголовный кодекс 1992 г., а также разного рода законы и подзаконные акты.

Так, ст. 7 Декларации 1789 г. устанавливает запрет на применение наказания иначе, чем на основании принятого и обнародованного закона до момента совершения уголовно наказуемого деяния и законно принятого судом. Статья 9 Декларации закрепляет принцип презумпции невиновности, а ст. 10 запрещает всякое уголовное преследование за проявление религиозных взглядов, если это не нарушает правопорядка, установленного законом.

Статья 55 Конституции Франции закрепляет приоритет норм международного права на основе принципа взаимности с момента опубликования договоров, соглашений и т. п.

Уголовный кодекс Франции 1992 г. включает в себя как законы, принятые парламентом, так и подзаконные (регламентационные) акты, принятые правительством, как по своей инициативе, так и в порядке делегированного законодательства. И в тех, и в других нормативных актах устанавливаются квалифицирующие признаки определенных видов уголовных правонарушений и наказания за их совершение. В Уголовный кодекс Франции вошли также и отдельные законы, принятые в разное время; они сгруппированы в разделе «Прочие преступления и проступки».

К источникам уголовного права Франции относится также ряд других законов и подзаконных актов, которые не включены в Уголовный кодекс, например, Кодекс военной юстиции (о военных преступлениях) 1982 г., Кодекс о здравоохранении 1953 г., Гражданский, Налоговый, Таможенный, Градостроительный, Жилищный, Трудовой, Транспортный, Административный и другие кодексы.

Помимо указанных кодексов уголовно-правовые отношения во Франции регулируются различными законами (например, Законом 1966 г. о коммерческих обществах, Законом 1983 г. об азартных играх. Законом, 1984 г. о деятельности кредитных учреждений и контроле за ними, Законом 1985 г. о судебной реорганизации и ликвидации предприятий и многими другими, в которых устанавливаются конкретные составы определенных уголовно

наказуемых правонарушений). К числу источников уголовного права принадлежит также Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г., в котором устанавливается порядок привлечения к уголовной ответственности и назначения наказаний.

Среди источников уголовного права Франции особое место занимают подзаконные акты, издаваемые исполнительными органами в процессе осуществления ими распорядительной деятельности, акты местных органов управления, а также особые распоряжения местных военных властей.[22] К ним, например, относится ордонанс Временного правительства 1944 г. «О преследовании военных преступлений», ордонансы 1958 г. по проведению реформы уголовного законодательства, ордонанс 1945 г. «Об ответственности несовершеннолетних», декреты правительства по исполнению требований уголовно-правовых законов, специальные декреты правительства, поручающие соответствующим министрам издать инструкции или распоряжения для повсеместного применения. В них содержится ряд бланкетных диспозиций УК Франции или специальные правила, нарушение которых влечет за собой применение определенных уголовно-правовых санкций.

Что касается актов местных органов управления, то к ним прежде всего относятся распоряжения префектов, ордонансы префекта столичной полиции, распоряжения мэров в пределах определенных административно-территориальных единиц в сфере незначительных уголовных правонарушений. Распоряжения местных военных властей становятся источниками уголовного законодательства только при чрезвычайных ситуациях (во время войны или осадного положения).

В Германии источниками уголовного права могут быть только законы, принятые парламентом, но ни в коем случае не подзаконные акты органов власти и управления. Это – Основной Закон (Конституция) ФРГ 1949 г., международно-правовые акты, договоры и соглашения, которым конституционно придается особый приоритет, а также отдельные законы (например, Закон о борьбе со взяточничеством в странах Европейского Союза 1998 г., Закон о правилах воздушных перевозок 1998 г. и др.). Следует заметить, что здесь судебные прецеденты при решении конкретных уголовных дел могут иметь ориентирующее значение, поскольку в определениях Верховного Суда ФРГ по обобщению судебной практики нередко содержатся комментарии и формулировки тех или иных уголовно-правовых понятий.

Источниками уголовного права Италии являются Конституция страны 1947 г., Уголовный кодекс 1930 г. с соответствующими изменениями и дополнениями, различные другие кодексы, законы, уложения, законодательные декреты исполнительной власти, принятые в порядке делегированного законодательства, а также в некоторых случаях – национальных обычаев. Например, Конституция Италии (ч. 4 ст. 10 и ч. 2 ст. 26) запрещает выдачу (экстрадицию) за совершение политических преступлений. Статья 27 Конституции закрепляет личный характер уголовной ответственности, принцип презумпции невиновности, а также предупреждает, что характер уголовного наказания не может состоять в мерах, противных чувству человечности, а должен быть направлен на перевоспитание осужденного. Она же исключает применение смертной казни, кроме случаев, предусмотренных военными законами в военное время.

К источникам уголовного права Италии относятся также другие законы и подзаконные акты (см. ст. 77 Конституции Италии, Кодекс о воинских преступлениях в мирное время, Пенитенциарное уложение 1975 г., которое упорядочивает условия применения наказаний, не связанных с лишением свободы (домашний арест, ограничение свободы, передача виновного на поруки, досрочное освобождение). В ст. 341–344 Уголовного кодекса Италии учитывается также важное правовое значение этического обычая, особенно при рассмотрении уголовных дел об ответственности за оскорбление.

Важнейшими источниками уголовного права Испании являются определенные нормы международно-правовых актов и договоров, Конституция страны 1978 г., Уголовный кодекс 1995 г., а также специальные законы (например, законы 1940 г. о масонстве и коммунизме; о

вооруженном мятеже, бандитизме и терроризме 1943 г.; о мерах ресоциализации социально опасных лиц 1970 г. и др.).

К источникам уголовного права Японии относятся международно-правовые акты и договоры, Конституция Японии 1947 г., Уголовный кодекс, специальные уголовные законы (например, Закон 1970 г. о наказаниях за насильственный захват воздушных судов, Закон 1978 г. о наказаниях за вымогательство с использованием заложников, Закон 1970 г. об экологических преступлениях и др.), уголовно-правовые нормы административного, трудового и иного законодательства, обязательные постановления муниципальных собраний, а также в определенной мере судебные прецеденты.[23] В практике судебного правоприменения судебные прецеденты имеют обязывающую силу в той мере, в какой они не противоречат нормам установленного законодательства и условиям сохранения стабильного правопорядка.

Основным источником уголовного права в Армении является Уголовный кодекс РА 2003 г. Согласно ст. 1 УК РА уголовное законодательство Республики Армения состоит из настоящего Кодекса, и все новые уголовно-правовые нормы включаются в настоящий Кодекс, который основывается на Конституции РА 1995 г., а также на общепризнанных принципах и нормах международного права. Статья 5 УК РА гласит, что преступность и наказуемость деяния устанавливаются только уголовным законом. По сути, не только УК РА, но и Конституция РА и международно-правовые документы являются источниками уголовного законодательства Армении, о чем свидетельствуют ч. 3 ст. 14, ч. 1 и 2 ст. 15 и 16 УК РА.

К особому разряду источников уголовного права относятся международно-правовые акты, документы, договоры и соглашения, принятые в разное время, а также общие принципы, устанавливающие порядок сотрудничества государств и международных организаций, деятельность которых нацелена на предупреждение международных преступлений.[24] Наиболее важными из них являются следующие международно-правовые акты: Конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими 1923 г., Конвенция относительно рабства 1926 г., Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов 1945 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г., четыре Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и два Дополнительных протокола к ним 1977 г., Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами 1950 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Минимальные стандартные правила по борьбе с заключенными 1955 г., Конвенция об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев рабства 1956 г., Европейская конвенция об экстрадиции 1957 г., Женевская конвенция об открытом море и борьбе с пиратством (морским разбоем) 1958 г., Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушных судов, 1963 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г., Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 г., Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами 1978 г., Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г., Европейские пенитенциарные правила 1987 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Конвенция о взаимной правовой помощи стран СНГ 1993 г., Конвенция против коррупции 1996 г. и др.

Помимо конвенций, пактов и договоров источниками уголовного права могут быть также рекомендации и другие акты, направленные на борьбу с предупреждением преступлений (например, Рекомендация Европейского комитета по проблемам преступности Совета Европы 1978 г., согласно которой некоторые европейские страны обязаны внести поправки в

национальные законодательства и предусмотреть в качестве субъектов уголовного права также юридических лиц).

Двусторонние договоры также могут в некоторой мере стать источником уголовного права для сторон договора (например, Договор о выдаче преступников между США и Аргентиной 1982 г.).

Международно-правовые источники уголовного права могут устанавливать не только процессуальные, но и субстанциональные, предметные, нормы уголовного законодательства. Так, ст. 4 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. рассматривает пытки и другие подобные умышленные действия в качестве отдельного состава преступления. С другой стороны, ст. 11 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. предупреждает национальных законодателей о том, что не является преступлением невозможность выполнения какого-либо договорного обязательства, если при этом нет признаков мошенничества.

Следует заметить, что ряд международно-правовых документов еще не преодолели психологический барьер полного запрещения права «законного лишения жизни человека» (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.), равно как и «проведения медицинских и других научных опытов над людьми с их согласия» (ст. 1.1). Дело в том, что высшие императивы правомерности юридических законов, которые будут рассмотрены ниже, требуют полного запрета смертной казни, жестоко и лукаво отнесенной к разряду правомерных видов уголовных наказаний, а также абсолютного запрета проведения всяких экспериментов и опытов над людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, перейдя по ссылке <http://www.litres.ru/e-r-azaryan/prestuplenie-nakazanie-pravoporyadok/?lfrom=329574480> и купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1

Кузнецова Н. Ф. Избранные труды, СПб., 2003. С. 493.

2

Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 200.

3

Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 497.

4

Подробнее см.:

Осипян Б. А. Трансформация права в закон. М., 1990; Правометрия, или Основание межерологии права. М., 2001.

5

Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 529.

6

Сборник постановлений пленумов Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 2001. С. 73.

7

Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001. С. 35.

8

Цицерон. Диалоги. О государстве. М., 1966. С. 71.

9

Конституционное право развивающихся стран. М., 1990. С. 273.

10

Там же. С. 261.

11

Конституции буржуазных государств. М., 1982. С. 290.

12

См.: Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. С. 5–11.

13

См.:

Прадель Ж. Сравнительное уголовное право. Париж, 1995.

14

Berman H. J. Law and Revolution. Harward University Press, Cambridge, 1983. P. 30–33.

15

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996;

Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

16

См.

Сюкияйнен Р. Мусульманское право. М., 1984.

17

Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1984. Т. 4. С. 482.

18

Супотаев М. А. Право современной Африки. М., 1990. С. 163.

19

См.:

Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 74–108.

20

Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001. С. 4.

21

Constitutional Law. Legalines. Chicago, 1985. P. 242–243.

22

См. подробно: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001. С. 258–263.

23

Уголовное право зарубежных стран. Сборник законодательных материалов. М., 2001. С. 309.

24

См.: Международное уголовное право. М., 1999. С. 9, 14.